

УДК: 101

Погорельская С.В.

ФИЛОСОФ НЕСБЫВШЕГОСЯ БУДУЩЕГО¹

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия, pogorels@mail.ru*

Аннотация. Юрген Хабермас отмечает свой 90-й юбилей. «Критическая теория» и ее носитель – «критическая общественность» давно уже не являются ревелантной силой внутриполитического процесса в ФРГ. Однако последние представители этой теории, как Юрген Хабермас, по-прежнему значимы – как философы разумного будущего.

Ключевые слова: философия ФРГ; «франкфуртская школа»; «критическая теория»; «критическая общественность»; немецкая идентичность; Теодор Адорно; Юрген Хабермас.

Поступила: 15.07.2019

Принята к печати: 19.08.2019

Pogorelskaya S.V.

The philosopher of an unfulfilled future

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pogorels@mail.ru

Abstract. Jürgen Habermas is celebrating his 90 th anniversary. «Critical theory» and its vehicle – «critical public» have long ceased to be the relevant force for the domestic policy in Germany. However, the last remaining representatives of this theory, like Jürgen Habermas, are still significant as philosophers of a rational future.

Keywords: Philosophy of Germany; «Frankfurt School»; «critical theory»; «critical public»; German identity; Theodor Adorno; Jürgen Habermas.

Received: 15.07.2019

Accepted: 19.08.2019

¹ © С.В. Погорельская, 2019

18 июня 2019 г. философский мир Германии праздновал юбилей философа, талант и характер мысли которого неповторимы, ибо условия, в которых они сформировались, навсегда ушли в прошлое. В современной Германии отношение ко временам, когда Западную Германию в Европе называли «экономическим великанием, политическим карликом» и подозревали, что она стремится в «единую Европу», чтобы на «постнациональных» путях преодолеть наследие своего военного поражения – ограниченный суверенитет – очень неоднозначно. Настолько же неоднозначно отношение и к Хабермасу, одному из последних философов этой единой Европы. Тем не менее роль, которую сыграл наследник основателей франкфуртской школы¹ в формировании культурной идентичности не только Западной Германии, но, во многом, и Западной Европы времен конфронтации блоков, бесспорна.

Федеральный президент Вальтер Штайнмайер в своем поздравлении назвал философа «голосом критического Разума, услышанным не только в Германии, но и далеко за ее пределами», мыслителем, «измерившим все пропасти модерна, не утеряв при этом стремления эмансирировать человечество». Для либерально-берлинского «Тагесшпигель» Хабермас принадлежит к «влиятельнейшим мыслителям нашего времени» [Kreide], для консервативного «Вельт» он «знаменитейший из живущих ныне немецких интеллектуалов» [Rosenfelder, 2019], «Зюдойче цайтунг» называет его «философом общественности» [Schloemann, 2019], «Дойче радио» присваивает ему почетную характеристику «старшего надзирателя за общественным дискурсом» и «своего рода интеллектуальной марки Германии» [Orzessek, 2019], а «Рейнская почта» даже называет его «просветителем» и «всемирной философской силой» [Schröder, 2019]. «Ди Цайт», газета немецких левых интеллектуалов (той самой «критической общественности», которая, по Хабермасу, и несет ответственность за функционирование демократии в современном обществе), разместила к юбилею философа

¹ «Франкфуртская школа» – спорный термин, используемый для обозначения сформировавшегося вокруг Института социальных исследований в университете Франкфурта-на-Майне и окончательно оформленного в послевоенные десятилетия направления левой философской мысли, с большей или меньшей степенью радикальности ревизующей марксизм применительно к социальным условиям западноевропейских капиталистических государств периода конфронтации блоков, подчеркивая роль интеллектуалов в революционных преобразованиях.

масштабную подборку ностальгических впечатлений. Пятнадцать его маститых современников из различных стран, преимущественно университетских профессоров, вспомнили о своих личных встречах с философом и размышляли об актуальности его трудов в наше время, в «эру Трампа».

Юбилей философа вызвал целый всплеск хвалебных публикаций, в которых анализируется пройденный творческий путь Хабермаса и его нынешняя работа, прежде всего, во имя Европы. Примечательно, что практически все эти работы оценивают деятельность философа в позитивном ключе. Хорошо ли это, прежде всего для того бунтаря, которым когда-то был Хабермас? Представляется, что не очень. Ностальгические воспоминания ровесников, поклоны от современного академического мира, поздравления от государственных чинов – все это, во многом, показатель того, что миропонимание Хабермаса, не изменившись по своей сути, потеряло практическую актуальность, не несет более в себе бунтарского, революционного, преобразовательного заряда, ушло с улиц вместе с тем поколением, которое когда-то присвоило его, – на университетские кафедры, в политологическую схоластику, в теоретические диспуты о будущем ЕС. Оставаясь правильным и разумным, оно лишилось своих носителей, а с ними – и потенции реализуемости.

««Что-то в Германии стало слабым, стало старым. Это сама Федеративная республика, общественность Федеративной республики...»» – пишет вуппертальский философ, профессор Петер Травни в своем недавнем эссе об исчезающем наследии Адорно [Trawny, 2016, с. 9], тут же поясняя, что подразумевает «специфически склонившуюся общественность». Чем же специфична она и почему другим странам практически воспринять идеи Хабермаса было бы на порядки сложнее, нежели западным немцам?

В Западной Германии уже к середине 60-х годов сформировался необычайно мощный и, в силу характера своей занятости, в определяющей мере причастный к формированию и развитию общественного мнения, социальный слой, вдохновленный так называемой «критической теорией», развиваемой мыслителями франкфуртской школы. Он известен как «критическая общественность» (Kritische Öffentlichkeit). Это считавшие себя не только носителями прогресса, но и олицетворением совести общества интеллектуалы (университетские круги, учителя, деятели науки и культуры, твор-

ческие работники, публицисты и издатели). Критическая общественность определяла интеллектуальную жизнь гражданского общества Западной Германии, направленность общественно-политического дискурса, она своим «моральным авторитетом» давила на государственную политику, а к началу 1970-х обрела и политическое лобби на левом фланге СДПГ и у «зеленых».

Именно эта критическая, «морально-политическая», рефлексирующая об актуальном развитии в своей стране и готовая к протестам общественность, принявшая «критическую теорию» как руководство к общественно-политическому действию, разделяла мысль, что разумная общность возможна и что общества как таковые (имея предпосылкой всемирную демократию) могут развить разумную идентичность поверх государственных границ.

Первым практическим политическим выходом этого убеждения могла бы быть, например, Европа «общественности», Европа, объединяющаяся поверх границ, так, что политикам осталось бы не определять, а лишь институционально оформлять активный общественный процесс.

Следует отметить, что Петер Травни отнюдь не случайно отождествляет эту «специфическую» общественность и старую ФРГ – ибо именно она, общественность, своей силой, определяла политico-нравственную идентичность страны, которая, сложись историческое развитие иначе, могла бы не просто реализовать идеи Хабермаса в своем внутриполитическом процессе, но также вплести их и в свою концепцию европейской интеграции и своей экономической мощью лоббировать требуемое политическое направление. Тогда, вероятно, и судьба «Конституции для Европы»¹ могла бы сложиться успешнее.

Суть «критической общественности» и ее западногерманская специфичность заключалась, как это ни парадоксально, не в фундаментальных философских характеристиках франкфуртского

¹ «Договор о Конституции для Европы», именуемый также «Конституцией» Европейского Союза был принят 18 июня 2004 г. руководителями 25 государств – членов ЕС и должен был вступить в силу в 2007 г., в 50-летний юбилей Римских договоров, инициировавших в свое время процессы европейской интеграции. Однако договор не прошел ратификации в парламентах двух стран – основательниц ЕС – Франции и Нидерландов. В сильно переработанном и урезанном виде он позже был принят как «Лисабонский договор», уже без каких-либо претензий к конституированию нового политического субъекта.

неомарксизма, а в ее отношении к собственной национальности, к понятию «немецкость» как таковому.

Основоположникам франкфуртской школы удалось на путях эмиграции избегнуть гитлеровских репрессий. Адорно, например, вернулся в Германию лишь после войны, и его отношение к Германии было определено его американским опытом. Аушвитц (Освенцим) стал для него, как и для многих вернувшихся из изгнания интеллектуалов, не просто трагическим событием недавней истории, но абсолютной парадигмой мышления. Именно эта парадигма и определила культуру дискуссий в немецкой общественности второй половины 1960-х годов, стала морально-политическим ядром общественных дискуссий об идентичности ФРГ. Не только национализм, но даже и обычный немецкий патриотизм отрицались, считались морально неприемлемыми. Именно в эти годы начали формироваться немецкие версии «конституционного патриотизма» (консервативная Дольфа Штернбергера и революционная – Хабермаса), означавшего верность не национальному государству и не национальной идеи, а демократической конституции страны. Как справедливо замечал Травни, Аушвитц и до сегодняшнего дня остается «сумрачным сердцем» той немецкой идентичности, которую исповедует критическая общественность [Trawny, 2016, s. 25]. Только вот самой этой общественности становится все меньше. Потому что государства и отношений, которые ее порождали, больше нет.

Специфичность «критической общественности», этой морально-политической инстанции, способной контролировать политику и (сформируйся она в каждой стране) осуществить идею разумной общности, в том, что она, как раз, нигде, кроме Западной Германии сформироваться и не могла. Ибо для ее возникновения необходим был набор совершенно определенных политических, социальных и духовных предпосылок, которыми другие государства Европы, к счастью для них, не располагали.

Главным условием было неприятие национальной идентичности, причем не чьей-то, а исключительно собственной, немецкой. По мнению Адорно, после Аушвитца немецкая идентичность так и так перестала существовать, она стала «не-идентичностью». От этого исходного пункта и следовало отталкиваться в построении дальнейших теорий.

Ни одно европейское государство не имело оснований к покаянию за свою вину перед человечеством, а если бы и имело, то не было бы вынуждено к нему так, как были вынуждены побежденные немцы – в ходе процессов денацификации и мероприятий политического образования в западной оккупационной зоне.

Таким образом, критическая общественность как моральная инстанция внутри- и внешнеполитического процесса своей страны могла сформироваться лишь в таком государстве, как Западная Германия в период ее самоидентификации. Период этот удачно совпал с экономическим чудом 1960-х. Физическая сытость, внешнеполитическая несамостоятельность, освобождавшая от ответственности принятия решений в мировом политическом процессе, облегчали постнациональное мышление, начавшее постепенно приобретать некое мессианство. Ограниченный суверенитет страны, ее раздел на два государства, воспринимался не как препятствие для развития, которое следует преодолеть, но как преимущество, позволяющее первыми перешагнуть в «постнациональность», в «конституционный патриотизм» и увлечь своим примером других европейцев. Немецкая сущность опять захотела философски определять мир, пусть и на «постнациональных» путях. Эстафету Адорно переняли социал-либеральные философы, как Хабермас, которым даже Германия Адорно – и та казалась «слишком немецкой» и которые желали бы растворения Германии в Европе, в Европейском союзе. Разумеется, предпосылкой этого было бы растворение в нем и остальных государств-членов. Отчасти поэтому «критическая общественность» как социальное явление и не стала присуща другим европейским обществам, а европейские государства воспринимали немецкие постнациональные интеграционные позывы очень сдержанно. Немцы могут стремиться в Европу, чтобы перестать быть немцами и снять таким образом свою «историческую вину», но почему это должны делать французы?

Германское воссоединение в 1990 г. и последующее окончание системы конфронтации блоков положило отсчет новому времени. Немцы с восторгом, иначе не скажешь, ринулись из своей «прогрессивной постнациональности» назад, в национальную идентичность, в новую самоидентификацию. Начав с внешней политики (как мы помним, Германия первой признала Хорватию, положив тем самым начало югославской войне), немцы обрати-

лись к определению своих национальных интересов в новом мире. С высоких политических трибун зазвучали речи о «возвращении к нормальности», подразумевавшие, пусть и не прямым текстом, что тот, изображавшийся прогрессивным и добровольно избранным (в силу его разумности) путь, которым шли немцы до воссоединения, был-таки ненормальным. Однако именно он, последовательно развивающийся, и был тем путем, на котором единственно и была возможна реализация идей разумной общности!

Хабермас осознает это и старается перехватить философскую инициативу. Философ его масштаба вовсе не мог, как утверждают критики (тот же Травни), «проглядеть конец одной и начало другой, новой, национальной эпохи мышления» [Trawny, 2016, s. 78], он мог лишь, видя происходящее и предвидя будущее, попытаться своей силой и своим авторитетом, опираясь на мощь тогда еще живой и активной «критической общественности», подвигнуть политику к последовательному продолжению взятого Западной Германией постнационального, проевропейского курса. В 1990 г., сразу же за падением Берлинской стены, Хабермас публикует масштабное эссе «Государственное гражданство и национальная идентичность», в 1991 вышедшее отдельным изданием [Habermas, 1991, s. 36], в котором он уже с учетом новых реалий вновь вводит в оборот понятие «конституционного патриотизма», рефлектируя о «государственном гражданстве, освобожденном от национальной идентичности».

Однако в новых политических условиях старый, продиктованный статусом побежденной страны, политический курс теряет право на жизнь. Теории разумные и, казалось, реализуемые перестают быть релевантными, они не определяют уже общественный мыслительный процесс, ринувшийся в запрещенные ранее сферы – в национальные. Западный демократический мир переживает эйфорию «конца истории», на окраинах Европы вспыхивают немыслимые ранее межнациональные конфликты, Германия же, на словах последовательно продолжая свой курс «гражданской державы», на деле все больше и больше упивается своей новой политической силой, в подкрепление которой она наконец-то может задействовать всю свою наработанную за годы внешнеполитического воздержания экономическую мощь.

«Критическую общественность» слышно еще в начале 1990-х годов, в политических дебатах, в СМИ по ходу обсуждения депута-

тами бундестага вопросов о том, имеют ли немцы моральное право посыпать своих солдат для мирной миссии ООН в воюющую Югославию – ведь во Второй мировой немецкие солдаты причинили народам этой страны так много зла. Однако уже к концу 1990-х общественное мнение готово не просто посыпать немецких солдат везде, куда это нужно Германии, но, если надо, разумеется, как часть западного сообщества, снова бомбить тот народ, с которым они воевали во Второй мировой, – сербов. В 1999 г. известный философ Петер Слоттердейк приходит к выводу об «увядании франк-фуртской традиции» и о «смерти критической теории». Вместе с ней умерла и «критическая общественность» как деятельный субъект общественного процесса, ее остатки, утнянувшись из живой политики в университетскую, академическую реальность, продолжают изыскивать моральные и разумные пути, которыми могла бы двигаться политика и на которых общественность могла бы объединяться поверх границ... если бы захотела. Именно так воспринимаются последние труды Хабермаса об интегрирующейся Европе, теме, которая занимает значительное место в его творчестве последних лет [Habermas, 2011; Habermas, 2017; Habermas, 2018].

Например, в эссе «О конституции Европы» он мыслит новую европейскую общность, некое *«sui generis»*, не являющееся ни Федеративным государством Европы, ни Федерацией европейских государств, но имеющее конституцию. Эту институциональную мечту он называет «своеобразным образованием» (*eigentümlicher Gestalt*) [Habermas, 2011, с. 20] и предлагает строить ее от парламента. Мощный парламент, напрямую избираемый гражданами, по своей силе равен правительсткам государств, которые в этой государственно-сверхгосударственной структуре тоже есть. Однако Европейский парламент сильнее них, так как самим фактом своего существования и своей работы он формирует единую Европу, ее идентичность, ее граждан, ее общественность. Нынешний ЕП слаб, необходим новый европейский договор, который Хабермас и называет конституцией. Тот факт, что договор о конституции для Европы уже был отвергнут испуганными гражданами на референдумах, его не смущает. В делах Европы он относится к гражданам государств-членов так же, как все десятилетия европейской интеграции – государственные деятели, развивавшие общеевропейский проект: «Ты этого пока не понимаешь, но это для тебя хорошо». В Европе Хабермас не граждане государств создают конституцию

для Европы, а конституция, которая придет, как и все общеевропейские договоры, сверху, из нынешних Совета, Парламента и Комиссии, создаст общеевропейских граждан, которые затем уже, став общеевропейской общественностью, будут двигать Европу вперед.

Такой шаг, по мнению Хабермаса, необходим, чтобы побороть «экзекутивный федерализм» – [Habermas, 2011, с. 4] – усиление Евросовета в ущерб Парламенту и Комиссии – тенденцию, возникшую во время преодоления Евросоюзом мирового финансово-вого кризиса и проявившуюся особенно ярко в сотрудничестве Меркель и Саркози по ходу создания Стабфонда. Хабермас полагает, что увиденный им «экзекутивный федерализм» не просто недемократичен, он «постдемократичен» [ibid., с. 33]. Избежать пагубного пути, на который, ради быстроты принятия решений в кризисные времена, встала Европа, можно лишь на порядки усилив Европарламент, а для этого нужна конституция.

Создание подобной Европы – лишь первый шаг на пути задуманного Хабермасом глобального примирения демократии с капитализмом. Будущий мир в его цивилизационном проекте подобен Европе: в нем есть государства, но есть и «мировой парламент», состоящий из двух палат: в одну выбирают представителей государств, в другую – прямым голосованием – представителей «мировой общественности» независимо от их национальной принадлежности. Государства нужны, ибо являются «олицетворением заслуживающих сохранения национальных культур» и к тому же «отвечают за уровень справедливости и свободы, который их граждане по праву хотят сохранить». Мировой же парламент заботится о сохранении мира и прав человека [ibid., с. 26–39].

На этом уровне эссе Хабермаса принимает характер абстракции. Он рассуждает о том, каким может стать мир, если акторы политического процесса будут руководствоваться исключительно здравым смыслом. Хабермас реалистичен и пессимистичен, описывая дефициты демократии в нынешнем ЕС, политика которого попала под власть рейтинговых агентств и рынков. В то же время он утопист и оптимист, поскольку верит в силу разума и демократии. Результат этой веры – цивилизационный проект, такой же разумный и такой же неосуществимый, как и положения знаменитого кантовского трактата «О вечном мире».

В своих проектах для интегрирующейся Европы Хабермас давно уже расстался с мечтой о немцах как носителях европейской

идеи. Немцы, по его мнению, имели право считать себя пусть не образцовыми (как в их западногерманском постнациональном статусе), но во всяком случае хорошими европейцами и после объединения Германии, но лишь пока у власти оставался Гельмут Коль. «Поворот ментальности к долгожданной нормальности национального государства» в 1990-е годы не разрушил, а сначала на новом уровне укрепил их европейскую ориентацию, считает Хабермас. Однако, по мнению Хабермаса, по ходу разразившихся в 2008 г. финансового и экономического кризисов немцы, усомнившись в готовности и в способности ряда других европейских наций к кооперации (особенно в том, что касалось помощи югу Европы), сочли себя доминантой европейского спасения. У Хабермаса немало претензий как к стилю, так и к содержанию европейской политики Ангелы Меркель. Например, в вопросах единой миграционной политики или же торговых споров с США она требовала от ЕС «лояльности», по мнению же Хабермаса, совместные действия предполагают не «лояльность», а «солидарность», т.е. доверительные отношения между равноправными акторами и отказ от своих эгоистичных интересов во имя общего. Однако слово «солидарность» по ходу кризиса использовали для обозначения поддержки пострадавших стран, разрушая его изначальное значение [Habermas, 2018].

Так, немецкие СМИ внушали населению, что Германия в кризисные времена проявляет чудеса солидарности по отношению к остальной Европе. Хабермас же напоминает, что на юге Европы, напротив, считают, что Макрон спас Грецию от... немцев, а именно от планов Меркель из соображений «национального экономического эгоизма» выдвинуть греков из еврозоны.

Будущее Европы Хабермас в последние два года связывал не с немецким канцлером, а с французским президентом. В эссе «Что это нам, немцам, снова стоит...», опубликованном в журнале «Шпигель» в октябре 2017 г. [Habermas, 2017], он сравнивает немецкие и французские позиции в вопросах интеграции. Будучи «левым» по убеждениям, Хабермас не может быть в полной мере «макронистом», однако позиция Макрона в вопросах европейского единения, направленная на углубление интеграции и усиление роли общеевропейских институтов по сравнению с национальными государствами, представляется ему куда более верной и перспективной, нежели немецкий «активный экономический национализм». Германско-французский тандем изначально был двигате-

лем европейской интеграции, однако сможет ли «экономическая эгоистка» Меркель продуктивно работать в tandemе с европейцем (как считает Хабермас) Макроном? «Сомнительно, чтобы им удалось переставить те две стрелки, которые своей силой поставила Меркель в финансовом кризисе – интерговерментализм¹, обеспечивающий Германии ведущую роль в Евросовете, и экономию средств, ударившую по южным членам ЕС», – пишет он. Макрон, по мнению философа, имеет совершенно иной подход к ЕС, нежели Меркель. Для него речь идет не только о развитии интеграционного процесса, но и о его гражданском, демократическом содержании. По мнению Хабермаса, он требует заново конституировать Европу с тем, чтобы она была дееспособна как вовне, так и внутри себя. Институционализация дееспособности осуществляется созданием «европейских» министров и усилением контроля за их деятельностью со стороны ЕП. Макрон, по мнению Хабермаса, выражает те интересы, которые не представлены, например, в немецкой партийной системе, колеблющейся между «повседневным либерализмом политической середины, самодовольным антикапитализмом левых националистов и идентитарной идеологией правых популистов».

Интересная деталь, Хабермас хвалит Макрона за его отказ от философии европейских элит, согласно которой граждане могут быть лишь адресатами благ европейской интеграции, но не создателями. Отцы Европы создали Европу без граждан, т.к. принадлежали к просвещенному для тех лет авангарду, но времена изменились. Например, Хабермасу импонирует предлагаемая Макроном реформа избирательного права Европы, согласно которому кандидаты в депутаты Европарламента будут выдвигаться по партийным избирательным листам поверх государственных границ. Логика исторического процесса, полагает Хабермас, требует не замедления, а ускорения интеграции. В современном мире нации попираются «функциональными императивами политически неуправляемого капитализма», подгоняемого глобальными финансовыми рынками. Возвращение к национальным границам превратит многие государства в жертвы этого процесса, так что шаг к поли-

¹ Интерговерментализм – путь европейской интеграции, предполагающий ведущую (по сравнению с общеевропейскими институтами) роль государств-членов в интеграционном процессе. – Прим. реф.

тически дееспособному Союзу Европы жизненно необходим [Habermas, 2018].

Произведения Хабермаса о Европеозвучны надеждам тех, кто верит не просто в возможность единого «государства Европы», а в «народ Европы», в «общественность Европы», причем подразумевается не простая общественность, а деятельная и критичная. Его рассуждения о неизбежной всемирности демократии так же правильны, разумны и обоснованы, как были обоснованы когда-то в СССР умственные построения теории развитого социализма. Поэтому нам, знающим их, так понятен современный Хабермас – во всей его нынешней несбыточности.

На нынешнем этапе европейской интеграции концепции Хабермаса пожинают лавры теоретической науки и аплодисменты проевропейских элит, но от актуального политического процесса они далеки. В самой же Германии постнациональная доминанта слабеет, ибо ее идейных носителей, по крайней мере, не философов, а практиков, становится все меньше. Даже «Левая» ищет подходы к национальной тематике. Одновременно поднимаются голову критики ЕС (создание партии «Альтернатива для Германии» в 2013 г.) и правые популисты.

Актуальность построений Хабермаса, о которой говорят ныне, это (теоретическая) актуальность разума, морали и аргументированного обсуждения проблем в мировом политическом процессе. Они актуальны всегда, но почти никогда не реализуемы. «Я стал убежденным сторонником Хабермаса во время иракской войны, – признается профессор Хармут Роза из Йены, – когда я понял, как важна дискурсивная проверка истинности, правильности и правдивости перед каждым актом насилия. Действительно ли Ирак производил ОМП, дает ли это нам право вводить в него войска и идет ли речь действительно об ОМП и правах человека, а не о геостратегических интересах? Эти, такие очевидные вопросы могли бы создать ориентиры для общественного дискурса, определявшегося в то время пропагандой, идеологией и, во многом, демагогией» [Rosa, 2019].

Идеология и демагогия там, где во времена расцвета «критической общественности» пытались на путях рефлексии понять причины и выработать общественную позицию к происходящему, – характерная черта современного постинформационного общества.

дискурс перемещается в Интернет и теряет, по крайней мере в Германии, возможность воздействия на политический процесс.

Со смертью «критической общественности» Германия утеряла общепризнанную критическую моральную инстанцию общественно-го дискурса. Критическая теория Адорно, по меткому выражению Травни, «сыпала пепел» на головы людей [Trawny, 2016, с. 99] – теперь это делать некому. В образовавшийся вакуум хлынули теоретики-технократы и социал-кибернетики, как Тибо Саррацин¹.

На рубеже 1970-х Хабермаса считали левым, дерзким бунтарем, пророком и одновременно архитектором грядущего будущего, ныне он – часть немецкого истеблишмента, патриарх и утопист. Все его работы – апелляция к здравому смыслу, но правильность теории – не гарант ее реализуемости. Смерть социализма не укрепила, а ослабила западную демократию, не толкнула ЕС вперед, а раздробила его политически и идейно. Мир переходит в новую фазу, прогрессивность которой по сравнению с эпохой соревнования двух общественно-политических систем под большим вопросом. Однако мысль эпохального 90-летнего философа не реагирует на вызовы современности, нарушающие его картину реальности. Она продолжает неспешно течь в тихих плесах придуманной всемирной демократической Европы. Упрекать его, как это делали иные обозреватели, считавшие, что левые теоретики, подобные Хабермасу, виноваты в усилении правых сил [Lottmann] или же указывать ему, что в условиях всемирного кризиса демократии философия, делающая ставки на «коммуникативный разум» и консенсус, может и хороша, но на редкость неактуальна, нет смысла. Хабермас и мыслители его толка определяли духовные и политические «прогрессивные силы» Западной Германии в годы конфронтации блоков. В воссоединившейся Германии и в реалиях ХХI в. он не нашел себе места, несмотря на творческую плодовитость прошедших почти трех десятилетий.

Например, вопросы религии – еще одна тема, в которой Хабермас работает в последние годы. В 1981 г., в «Теории коммуни-

¹ Тибо Саррацин, правый социал-демократ, получивший известность с бестселлером «Германия самоликвидируется» [Sarrazin, 2010, с. 464]. Используя теорию эволюции и генетику, он заостряет имеющиеся в Германии проблемы с мигрантами и использует страхи населения перед утерей не только своей германской экономической мощи, интеллектуальной силы, религиозной и культурной идентичности, но и перед физической утерей самих себя как немцев.

кативного действия» он исходил из постепенного исчезновения религии, в 2001 он говорил о «постсекулярном обществе», ныне полагает, что сближение «секулярного разума» и различных религиозных сил, даже фундаменталистов, не только необходимо в интересах общественной солидарности, но и возможно – разумеется, на путях рефлексии [Klingen...] Однако как рефлектировать с теми, кто закрыт для аргументов, противоречащих его догмам?

Сила Хабермаса – в прошлом, в том, что ушло навсегда. Конкуренция блоков определяла политическое развитие Западной Германии, позволяла ей «постнациональные» забавы, мощную «публичную сферу» и «критическую общественность», поддерживала «социальное» лицо западногерманского капитализма и многое другое. Хабермас – философ совершенно определенного исторического отрезка времени, времени уникального, неповторимого, но прошедшего навсегда. Мир двинулся иным путем, нежели предвидел автор «Теории коммуникативного действия». Ныне Хабермас – мыслитель и певец несбыившегося будущего. Разумного будущего. Именно в этом своем качестве он продолжает оставаться интересным и в наши дни и именно поэтому он, скорее всего, не историфицируется и в дальнейшем. Кто-то должен показывать обществу, каких высот оно могло бы достичь, если бы (как характеризует «Дойче Радио» философию Хабермаса [Orzessek...]), оно следовало путями «бескомпромиссного применения разума».

Список литературы

«Denken ist eine irreduzibel freie Tätigkeit»: Jürgen Habermas wird 90 Jahre alt: 14 persönliche Texte von Kolleginnen und Kollegen über Werk und Wirken des deutschen Philosophen / Bernstein R.J., Illouz E., Frank M., von Bogdandy A., Jaeggi R., Rosa H., Mishima K., Nowotny H., Offe C., Forst R., Honneth A., Sangiovanni A., Bhargava R., Shuangli Zh. // Die Zeit. – 2019. – N 25. – Mode of access: <https://www.zeit.de/2019/25/juergen-habermas-philosophie-soziologe-poststrukturalismus-geburtstag> (дата обращения: 10.06.2019.)

Habermas J. Die Krise der Europäischen Union im Lichte einer Konstitutionalisierung des Völkerrechts – Ein Essay zur Verfassung Europas – Suhrkamp 2011. – Berlin, 2011. – 140 S. – Mode of access: http://www.zaoerv.de/72_2012/72_2012_1_a_1_44.pdf (дата обращения: 10.06.2019.)

Habermas J. Sind wir noch gute Europäer? // Die Zeit. – 2018. – N 28, 5 Juli. – Mode of access: <https://www.zeit.de/2018/28/protektionismus-europa-grenzen-rueckzug-herausforderungen> (дата обращения: 10.06.2019.)

- Habermas J.* Staatsbürgerschaft und nationale Identität. Überlegungen zur europäischen Zukunft. – Erker Taschenbuch, 1991. – 36 S.
- Habermas J.* Was das uns Deutsche wieder kostet: Essay // Der Spiegel. – 2017. – 26.10. – Mode of access: <http://www.spiegel.de/spiegel/juergen-habermas-ueber-seinen-hoffnungstraeger-emmanuel-macron-a-1174052.html> (дата обращения: 10.06.2019.)
- Klingen H.* Religionsphilosophie von Jürgen Habermas. Alt aber nicht fromm. – Mode of access: https://www.deutschlandfunk.de/religionsphilosophie-von-juergen-habermas-alt-aber-nicht.886.de.html?dram:article_id=451308 (дата обращения: 10.06.2019.)
- Kreide R.* Die unbehähmbare Kraft der Öffentlichkeit. – Mode of access: <https://www.tagesspiegel.de/kultur/juergen-habermas-wird-90-die-unbezaehmbare-kraft-von-oeffentlichkeit/24465292.html> (дата обращения: 10.06.2019.)
- Lottmann J.* Jürgen Habermas: Die Mitverantwortung linker Denker am Rechtsruck in Deutschland. – Mode of access: <https://www.welt.de/kultur/article178840510/Juergen-Habermas-Die-Mitverantwortung-linker-Denker-am-Rechtsruck-in-Deutschland.html> (дата обращения: 10.06.2019.)
- Orzessek A.* Zum 90. Geburtstag von Jürgen Habermas – Der Oberaufseher des öffentlichen Diskurses. – Mode of access: https://www.deutschlandfunkkultur.de/zum-90-geburtstag-von-juergen-habermas-der-oberaufseher-des.1013.de.html?dram:article_id=451608 (дата обращения: 10.06.2019.)
- Rosa H.* Der Irak-Krieg machte mich zum Habermasianer // Die Zeit. – Hamburg, 2019. – Mode of access: <https://www.zeit.de/2019/25/juergen-habermas-philosophie-soziologie-poststrukturalismus-geburtstag> (дата обращения: 10.06.2019.)
- Rosenfelder A.* Jürgen Habermas, der Influencer. – Mode of access: <https://www.welt.de/kultur/article195443789/Juergen-Habermas-wird-90-Der-Influencer.html> (дата обращения: 10.06.2019.)
- Schloemann J.* Der Philosoph der Öffentlichkeit. – Mode of access: <https://www.sueddeutsche.de/kultur/habermas-90-geburtstag-philosoph-1.4489257?reduced=true> (дата обращения: 10.06.2019.)
- Schröder L.* Der Aufklärer. – Mode of access: https://rp-online.de/kultur/der-aufklaerer-aus-deutschland-juergen-habermas-wird-90_aid-39463667 (дата обращения: 10.06.2019.)
- Sloterdijk P.* Die kritische Theorie ist tot. – Mode of access: https://www.zeit.de/1999/37/199937.sloterdijk_.xml/komplettansicht (дата обращения: 10.06.2019.)
- Steinmeier F.-W.* Bundespräsident gratuliert Jürgen Habermas. – Mode of access: <http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/2019/06/190617-7-Glueckwunsch-Juergen-Habermas.html> (дата обращения: 10.06.2019.)
- Trawny P.* Was ist Deutsch? Adornos verratenes Vermächtnis. – Berlin: Mathes & Seitz, 2016. – 112 S.

References

- Steinmeier, F.-W. (2019). *Bundespräsident gratuliert Jürgen Habermas*. Retrieved from: <http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/2019/06/190617-7-Glueckwunsch-Juergen-Habermas.html>

- Habermas, J. (1991). *Staatsbürgerschaft und nationale Identität. Überlegungen zur europäischen Zukunft*. Erker Taschenbuch.
- Habermas, J. (2011). *Die Krise der Europäischen Union im Lichte einer Konstitutionalisierung des Völkerrechts – Ein Essay zur Verfassung Europas*. Suhrkamp. Retrieved from: http://www.zaoerv.de/72_2012/72_2012_1_a_1_44.pdf
- Habermas, J. (2017). *Was das uns Deutsche wieder kostet. Essay*. Der Spiegel. Retrieved from: <http://www.spiegel.de/spiegel/juergen-habermas-ueber-seinen-hoffnungstraeger-emmanuel-macron-a-1174052.html>
- Habermas, J. (2018). *Sind wir noch gute Europäer?* Die Zeit. Retrieved from: <https://www.zeit.de/2018/28/protektionismus-europa-grenzen-rueckzug-herausforderungen>
- Klingen, H. (2019). *Religionsphilosophie von Jürgen Habermas. Alt aber nicht fromm*. Retrieved from: https://www.deutschlandfunk.de/religionsphilosophie-von-juergen-habermas-alt-aber-nicht.886.de.html?dram:article_id=451308
- Kreide, R. (2019). *Die unabzählbare Kraft der Öffentlichkeit*. Retrieved from: <https://www.tagesspiegel.de/kultur/juergen-habermas-wird-90-die-unbezaehmbare-kraft-von-oeffentlichkeit/24465292.html>
- Lottmann, J. (2018). *Jürgen Habermas: Die Mitverantwortung linker Denker am Rechtsruck in Deutschland*. Retrieved from: <https://www.welt.de/kultur/article178840510/Juergen-Habermas-Die-Mitverantwortung-linker-Denker-am-Rechtsruck-in-Deutschland.html>
- Orzessek, A. (2019). *Zum 90. Geburtstag von Jürgen Habermas – Der Oberaufseher des öffentlichen Diskurses*. Retrieved from: https://www.deutschlandfunkkultur.de/zum-90-geburtstag-von-juergen-habermas-der-oberaufseher-des.1013.de.html?dram:article_id=451608
- Bernstein, R.J., Illouz, E., Frank, M., von Bogdandy, A., Jaeggi, R., Rosa, H., Mishima, K., Nowotny, H., Offe, C., Forst, R., Honneth, A., Sangiovanni, A., Bhargava, R., Shuangli, Zh. (2019). "Denken ist eine irreduzibel freie Tätigkeit": Jürgen Habermas wird 90 Jahre alt: 14 persönliche Texte von Kolleginnen und Kollegen über Werk und Wirken des deutschen Philosophen. Retrieved from: <https://www.zeit.de/2019/25/juergen-habermas-philosophie-soziologe-poststrukturalismus-geburtstag>
- Rosa, H. (2019). Der Irak-Krieg machte mich zum Habermasianer. Die Zeit. Retrieved from: <https://www.zeit.de/2019/25/juergen-habermas-philosophie-soziologe-poststrukturalismus-geburtstag>
- Rosenfelder, A. (2019). Jürgen Habermas, der Influencer. Retrieved from: <https://www.welt.de/kultur/article195443789/Juergen-Habermas-wird-90-Der-Influencer.html>
- Sarrazin, T. (2010). Deutschland schafft sich ab. DVA-Verlag.
- Schloemann, J. (2019). Der Philosoph der Öffentlichkeit. Retrieved from: <https://www.sueddeutsche.de/kultur/habermas-90-geburtstag-philosoph-1.4489257?reduced=true>
- Schröder, L. (2019). Der Aufklärer. Retrieved from: https://rp-online.de/kultur/der-aufklaerer-aus-deutschland-juergen-habermas-wird-90_aid-39463667
- Sloterdijk, P. (1999). Die kritische Theorie ist tot. Retrieved from: https://www.zeit.de/1999/37/199937.sloterdijk_.xml/komplettansicht
- Trawny, P. (2016). Was ist Deutsch? Adornos verratenes Vermächtnis. Berlin: Mathes & Seitz.